

- H. Akyol // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. – 2010. – № 8 (4). – S. 817-808.
5. Güneş F. Okuma-Yazma Öğretimi ve Beyin Teknolojisi / F. Güneş. – Ankara : Ocak Yayınları, 1997.
 6. Savaş B. Okuma Eğitimi ve Çocuklarda Dil Gelişimi / B. Savaş. – İstanbul : Alfa Basım Yayım ve Dağıtım Ltş, 2006.
 7. Boyle R. Effects of Irrelevant Sounds on Phonological Coding in Reading Comprehension and Short term Memory. Experimental Psychology Section A: Human Experimental Psychology : [Электронный ресурс] / R. Boyle. – 2010. – Режим доступа : <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/713755630>. Erişim,02.02.2012.
 8. İlköğretim Türkçe Dersi 1-5. Sınıflar Öğretim Programı ve Kılavuzu. – Ankara : Devlet Kitapları Müdürlüğü Basımevi, 2005.
 9. Başaran M. Eğitim El Yazısı Öğretimi : [Электронный ресурс] / M. Başaran, H. Karatay // Milli eğitim dergisi. – 2005. – S. 168. – Режим доступа : <http://yayim.meb.gov.tr/dergiler/168/index3-karatay.htm> – Erişim Tarihi. 12.02.2012.
 10. Handwriting Readiness: Locatives and Visuomotor Skills in the Kindergarten Year. Early Childhood Research & Practice. 3 (1) : [Электронный ресурс] / D. Marr, M. M. Windsor, S. Cermak. – 2001. – Режим доступа : <http://ecrp.uiuc.edu/v3n1/marr.html?ref=SexShopu.Com> Erişim Tarihi: 13.02.2012.

Умеров Э.Ш.

УДК 930.85.008

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И КРИТЕРИИ ПЕРВОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА «MAGNA BULGARIA» (НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ)

Постановка проблемы. Вопросы образования и существования государственности, у древних болгар, в Северном Причерноморье, Приазовье, Прикубанье и Крыму, являющихся составной частью крымскотатарского народа, и, зафиксированных в письменных источниках, в период, со II по VIII вв. н.эры, в виде самостоятельных ханств, под названиями Patria Onoguria, Magna Bulgaria и Kara Bulgaria, не смотря на большое количество публикаций в литературе, остаются, удовлетворительно, не разрешенным. Когда мы говорим о древних булгарах, оногурах, утургурах, кутургурах, сабирах, и др. племенах и народах, представлявших во II – VIII вв. н.эры, древнее крымскотатарское государство «Magna Bulgaria», то мы должны отметить, что эти народы, как и их государство, являлись не оседлым народом и государством.

Сложность в исследовании вопросов о критериях кочевого государства, заключается в том, что целым рядом публикаций в литературе, на протяжении, вот уже, более чем, 100 лет, был сформирован тезис, согласно которому, народы, ведущие кочевнический, скотоводческий образ жизни, не могли, в силу определенных, указанными учеными, причин, создать государство, подобное, народам, живущим оседло, и имеющим, иной тип хозяйства, и, занимавшихся земледелием. В противовес, названным выше, мнениям, в литературе, существовали и иные мнения, которые, не только пытались оспаривать, но и опровергали тезис о невозможности существования кочевого скотоводческого государства, наряду с оседлым государством. Наконец, в последние несколько десятилетий, в литературе, появились работы, которые, не только опровергали доводы о невозможности создания кочевого государства, в условиях не оседлого скотоводческого хозяйства, но и позволили выделить основные признаки, черты и критерии скотоводческого государства. Последнее, и относительно, полное обобщение названных признаков, черт и критериев государственности кочевых государств древности и средневековья, были сделаны Е.И. Кычановым, в его работе «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров», которые, на наш взгляд, показывают не только на возможность образования и существования скотоводческого государства, а и на то, что скотоводческие государства, существовавшие в древности и средние века, по своему хозяйственному типу, уровню развитию, правовым и государственным институтам и культуре, были равны оседлым государствам, а, иногда, намного, превосходили их. Прочность и основательность этих исследований, на которые мы будем ссылаться, в настоящей статье, стала возможной, благодаря тому, что выводы и заключения, последних исследований, были основаны, на фундаментальных трудах ученых XVIII-XIX столетий [1;2;3;5;6;7]. В связи с чем, мы считаем, что эти, отметим, важные, прежде всего, для науки истории крымскотатарского государства и права, выводы, сделанные, за последние несколько десятилетий, должны приниматься во внимание, особенно, при изучении кочевых и скотоводческих государств, таких как государство оногуров, и государств болгар Северного Причерноморья [4, с. 30]. В рамках настоящей статьи, впервые, сделана попытка, выделения главных черт, признаков и критериев конного государства, каковым является, древнейшее крымскотатарское государство IV-VIII вв. н. эры, в Северном Причерноморье, Приазовье и Крыму – «Magna Bulgaria».

Кочевая культура не представляет переходной ступени от звероловства в оседлую, а составляет самостоятельное явление, как культура оседлых, отсюда, различные типы хозяйства определяли различие в социальных отношениях и разные типы государственности оногуров и болгар. «Прежде всего, надлежит знать,- писал Рашид-ад-Дин,- что, в каждом поясе земли, существует, отдельное (друг от друга) население, (одно) оседлое, (другое) кочевое» [22, с. 73]. Осознание того, что в различных природных зонах, в разных, по выражению, Рашид ад-Дина, «поясах земли», существуют, два основных вида хозяйственной деятельности – оседлое земледелие и кочевое скотоводство, прочно укрепились по отношению к описываемому нами, региону - Северного Причерноморья и Приазовья, Крымскому полуострову, уже к середине IV века нашей эры. У Н.И. Веселовского мы находим что,- «...кочевая культура не представляет

переходной ступени, от звероловства в оседлую, а составляет, самостоятельное явление, как культура оседлых» [5, с. 3]. Отсюда, следует вывод о том, что различные типы хозяйства определяли различие в социальных отношениях и разные типы государственности.

Уже в китайской историографии появился термин «кочевое государство», буквально «подвижное государство» - «син го». Цзя Цзиньянь, указывает о том, что впервые этот термин встречается в «Ши цзи» Сыма Цяня, в «Описании Давань». «Син го» (кочевое государство) – это государство у народов – кочевников, «передвигающихся со скотом», государство народа - «не земледельца» - «бу ту-дже». Кочевое государство мобильно, оно кочует, движется вслед за скотом. При описании жуань-жуаней встречается термин «го ло», означающий - государство-кочевье. В.С. Таскин, переводит этот термин, как «юрточное государство» [26, с. 403]. Наконец, в сочинении Ван Моу «Да шань цин хуа», поясняется о том, что, «имеются государства (с) городами, обнесенными стенами, имеются кочевые государства – «ю чан го» или «ю син го». Подытоживая общую характеристику «кочевых государств», данную китайскими авторами, со II в. до н.эры – XIII в. н.эры, Цзя Цзиньянь, указывает, что китайские историки силу кочевых государств определяли числом выставляемых ими воинов, а главным богатством, полагали, не столько скот, вообще, сколько, количество, имеющихся, в этом государстве, лошадей. Эта особенность является характерным признаком и критерием государства «Великая Булгария». Доказательством является этимология имени Аспарух хана, из тюркско-булгарского *Esperu x* [Esberu x, [33, с. 75] которое возводят к алтайскому – *ispaḡoq* - «отряд всадников», хотя, имя Аспарух, известно на Кавказе и в более раннее время, по надписи, найденной в Мцхете, которое объясняется из древнетюркского – *Ispaḡoq*, в более точном значении – «тот, чье племя (оq) – всадники» [34, с. 27, с. 49]. Таким образом, мы находим важные критерии скотоводческого государства - *Magna Bulgaria*, которые указывают на то, что оно было кочевым и конным государством, поскольку, отдельные тюркские конные толпы могли, уже в древности, проникнуть от Алтая до северного берега Понта [9, с.46, с. 38] что, только, булгары (...), во времена Атилы (до и после него), дошли до Крыма и заняли его, так как, около 124 года, до Рождества Христова, упоминается, уже, о пребывании их, на севере от Кавказа [9, с.48].

Цзя Цзиньянь, ссылаясь на работу «Ши цзи», Сыма Цяня, в «Описании Давань», указывал, что политическим, экономическим и культурным центром кочевого государства была ставка хана, которая могла перемещаться. То есть, одним из признаков и критериев кочевого, скотоводческого государства является наличие в нем политического, экономического и культурного центра, или, административного центра. Территория Булгарского ханства, в основном, представляла из себя, наряду с огромными пастбищными угодьями, обширные степные поселения с ярко выраженными следами оседло-земледельческой экономики, с гончарными мастерскими и некоторыми другими ремеслами [23, с. 65-72].

Кубрат хан правил недолго, но, уже, при нем, в Великой Булгарии, начала складываться своя внутренняя экономика, часть населения, рабы, пленные и вольнонаемные занимались земледелием, остальная часть булгар, утургур, кутургур по-прежнему, кочевала. Существовала торговля. Симбиоз этих двух хозяйственных систем и воинственная наступательная политика булгарской аристократии за короткое время сделали Великую Болгарию сильным и стабильным государством в Восточной Европе.

В Великой Булгарии существовала наследственная ханская власть, чему, подтверждением является Именник булгарских ханов 354 г. [21, с. 25-27]. Сформировалась родовая аристократия. Наличие огромной территории, идеология, основанная на тенгрианстве, хорошо развитое административно-территориальное управление, развитие экономики, государственное и военное руководство, все это осуществлялось, под неусыпным вниманием – административного центра – ставки хана Кубрата.

Одним из качественных особенностей населения кочевых государств, по мнению Кычанова [11, с. 265], была их воинственность [29, с. 142-145]. Только организованное государство, жесткое своей дисциплиной и поставленными, перед ними, целями, - пишет Г.А. Федоров-Давыдов, - вот, в чем была сила монгольского движения, перед которым все отступало [25, с. 202]. Византия, познакомилась с булгарами, как со своим союзниками, когда, в 480 г. н. эры, император Зинон, воспользовался их помощью в борьбе с остготами [32, с. 70]. Писавший, в VI веке н. эры, Иордан, сообщает, что булгары, живут в Причерноморье, - «...тянутся над Понтийским морем, места расселения булгар, которых, весьма прославили несчастья (свершившиеся) по грехам нашим» [11, с. 72]. В этой фразе, раздраженно говорится, об известности булгар, которая достигалась, конечно же, их воинственностью и агрессивностью.

Определяющим критерием скотоводческого государства выступает наличие в нем разделения труда, развитие ремесленничества, торговли, народного промысла, что, в свою очередь, способствовало имущественному расслоению и образованию внутри общества скотоводов, образованию классовых противоречий, появлению излишков, накоплению у отдельных лиц и групп, огромных ценностей и имущества, появлению бедных и богатых, огромное количество пленных приводило к развитию института рабовладения, выделению родоплеменной знати, и зарождению сословия, появлению института тарханства, и др. С. Плетнева, по-этому поводу, пишет, что уровень экономического развития Великой Булгарии позволяет предполагать, что эти отношения находились на высоких ступенях формирования феодальных отношений, с незначительными пережитками родового строя [20, с. 31-60]. Изложенное не позволяют характеризовать состояние булгарского общества, как общества - «еще не классового, но, уже, не первобытнообщинного» [12, с. 308], как общества, в котором «при сильном имущественном и социальном расслоении...отсутствуют классы, сословия, монополюбно владеющие средствами производства» [13, с. 12]. Потому, что...одним, из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых, создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы, между богатыми и бедными, между беками и простым народом. Булгары, являлись, постоянным населением многих портовых городов Причерноморья и Крымского полуострова. Впоследствии, после VIII-IX вв., оставшихся с Батбаян ханом, булгар, уже называли черными

болгарами [20, с. 31-60].

Одним из важных критериев скотоводческого государства, выступает процесс разработки идеологических основ власти, сакрализация власти и обожествление правителя, наличие в нем титула государя – хан, каган, катунь, появление личной гвардии правителя. Процесс образования Булгарского ханства «Magna Bulgaria», предполагает, наличие в нем, институтов хана, кагана, хатун, которые управляли ханствами в составе Булгарского конного государства. Бесспорно, во главе булгар стоял хан, так же, как во главе хазар, стоял каган [10, с. 150]. Принимая во внимание, «Именник булгарских ханов» [21, с. 25-27], который, ведёт своё начало, с конца I века до н. эры, мы должны признать, что титулы хана, кагана и катунь, как титулатуры института государя кочевого государства, в Восточной Европе, применялись уже в конце I – начале II вв. н. эры [28, с. 44]. Титул хана Кубрата, у Феофана Исповедника и Никифора, соответствует термину – dominus, в переводе Анастасия, означающий – господин, что является обычной формой обращения к византийскому императору [31, с. 131]. Особое место при государе – хане, кагане, принадлежало его гвардии – военным отрядам, примером которой, могут быть, «къапу къулу» в Крымском ханстве, династии Гираев [28, с. 192], которые обеспечивали его, личную, безопасность, из которых, впоследствии, набирались сановники для управления государством.

Необходимым и характерным критерием скотоводческого государства является появление в нем признаков публичной власти и образование государственного аппарата, что предполагает за собой разделение кочевого государства на центр, восточную (левую) и западную (правую) части, рецепции у соседей, государственных институтов, церемониал, кадры, финансы, органы юстиции и организации общественных работ. Рассредоточением, делегированием на места части прав центрального управления проявлялось и в наличии, в ряде государств, нескольких столиц, например, в Великой Булгарии, в Таматархане, Перещепинске, Вознесенске. Кычанов Е.И. считает, что такое распределение не являлось реализацией права собственности государя (государства) на землю, а было проявлением суверенитета [11, с. 284]. Последующее распределение пастбищ являлось прерогативой местной власти – правителя подчиненного этноса, главы племени или управителя административно-территориальной единицы, примером которого может служить, правительница - катунь Акъкъагыас [11, с. 285; 28, с. 45].

Подлинную основу государственной организации, применительно, к Великой Булгарии, составляют, по удачному сравнению, Е. Пашуканиса, - «бесчисленные выражения фактической зависимости» [18, с. 94]. Государственный механизм предполагает систему государственных органов и наличие чиновников – особую рода людей, занимающихся управлением. Появление чиновничества Ф. Энгельс полагал «новой отраслью разделения труда внутри общества» [30, с. 244]. «Существование государственной власти, - писал К.Маркс, - находит свое выражение именно в ее чиновниках, армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее физического воплощения, она представляет собой лишь тень, воображение, простое название» [14, с. 366]. В управлении правителю (хану, кагану) кочевого государства помогал съезд знати, который нередко его и выбирал. Очень вероятно, что это был орган власти, оставшийся от родового строя, от совета старейшин.

Определяющим признаком скотоводческого государства является наличие в нем общегосударственного языка, который, существовал на территории Булгарского ханства в 5-7 вв. н. эры. На основании данных «Именника булгарских ханов», и, дошедших до нас, письменных источников, сохранившихся в памятниках Дунайской и Волжской Булгарии, исследований В. Радлова, А. Куник, установлено, что язык Булгарского ханства – «Magna Bulgaria», относился, к западной (огузо-печенежской) группе тюркских языков и близок к остаткам современного чувашского языка [10, с. 135; 20, с. 40-41].

Необходимым критерием скотоводческого государства, является распределение всего народа, подданных кочевого государства, по десятичной системе, на основе которой, устанавливается система налогообложения [2, с. 127]. В Великой Булгарии такая повинность была двойной, «налог кровью», или, воинская повинность, то есть, обязанность служить в армии хана и материальное обложение для кочевого государства, прежде всего скотом [19, с. 165]. Сбор налога – важнейшая функция государства. «Налоги, учрежденные государством, это побор с населения, взыскиваемый в принудительном порядке с заранее установленными (как правило) размерами и сроками поступления» [16, с. 200]. «Участие в войне, - писал А.Н. Бернштам, - и получение части добычи по степени социального могущества участника – замаскированное выражение повинности своеобразных отработок. Так воинская повинность (на войну кочевник приходил со своим оружием и конем) не что иное, как также своеобразная форма эксплуатации» [2, с. 128]. Гунны на ежегодных съездах вели учет людей и скота, с целью налогообложения, вели записи, чтобы «производить учет и облагать налогом... людей и скот» [2, с. 126]. У тюрков знали освобождение от повинностей – тарханство [17, с. 75-86].

Фундаментальным признаком скотоводческого государства является окончательное формирование институтов права. Необходимо отметить, что существенные основы права скотоводческого государства, семейного, гражданского или общественного и государственного, вырабатываясь племенами еще в древности, основы эти определяли все дальнейшее затем, юридическое развитие племен, по переходу в оседлый быт, причем, в скотоводческих обществах, возникают, иногда, как мы видим, у [буджакской, джамбулукской, едичкульской, единсанской, ногъайской – Э.Умеров] киркиз-кайсацкой орды, такое превосходное судоустройство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие, издавна, цивилизованные народы [7, с. 63-64]. После появления государства, важным регулятором поведения людей стало право – нормы поведения, исходящие от государства, в том или в ином виде, санкционированные им. И. Сабо различает в обычном праве «государственный обычай», как ступень

в становлении законодательства [24, с. 80-84]. «Господствующая часть общества, - писал К.Маркс,- заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем, традицией, фиксировать как законные ограничения» [15, с. 159]. Судьями, как правило, были администраторы. Вопрос о наличии писаных законов (материального права), в Великой Булгарии, остается открытым, в связи с частичной неисследованностью имеющегося материала.

Выводы. Сравнительный анализ, установленных в литературе, критериев, черт и признаков кочевых, скотоводческих государств, применительно к государству IV-VIII вв., «Великая Булгария», полностью нашел свое подтверждение, по 9-ти исследованным нами признакам, имеющихся в государстве «Magna Bulgaria». Однако, отдельные признаки - общегосударственного языка и правовых институтов, государства «Великая Булгария», требуют дополнительного внимания, материалов и исследований.

Источники и литература:

1. Бартольд В. В. Улугбек и его время / В. В. Бартольд // Записки Российской Академии Наук. – Петроград, 1918. – Т. 13, № 5. – 184 с.
2. Бернштам А. Н. Социально-политический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков / А. Н. Бернштам. – М., Л., 1946. – 320 с.
3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин (Иакинф). – М., Л., 1950. – 428 с.
4. Буджакълы Э. Актуальность исследования истории крымтатарского государства и права. Гунно-булгарский период / Э. Буджакълы. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2007. – 32 с.
5. Веселовский Н. И. Черновые записки о кочевниках / Н. И. Веселовский. – ЦГАЛИ. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 388 (на правах рукописи). – 236 с.
6. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Л. : Академия наук СССР, 1934. – 224 с.
7. Григорьев В. В. О скифском народе саках / В. В. Григорьев. – СПб., 1871. – 204 с.
8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Иордан. – М. 1960. – 194 с.
9. Куник А. Тохтамыш и Фиркович. По поводу спора о двух вымышленных еврейских надписях и двух вымышленных летоисчислениях / А. Куник // Приложение к 27-му тому Записок имп. Академии наук. – СПб., 1876. – 64 с.
10. Куник А. Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах : ч. 1: Статьи и разыскания / А. Куник, барон В. Розен // Приложение к 32-му тому Записок имп. академии наук. – СПб., 1878. – С. 118-161.
11. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов // Восточная Литература. – М. : РАН, 1997. – 319 с.
12. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественные организации / Г. Е. Марков. – М., 1976. – 138 с.
13. Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии / Г. Е. Марков // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук : доклады советской делегации. – М., 1975. – 114 с.
14. Маркс К. Капитал / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 25. – 328 с.
15. Маркс К. Лассаль / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 6. – 294 с.
16. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. – М., 1970. – 270 с.
17. Меметова Э. Ш. Къырым ханларынынъ иш-юрютюв весикъаларинда базы укъукый терминлер / Э. Ш. Меметова // Йылдыз. – 2000. – № 1. – С. 75-86.
18. Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм / Е. Пашуканис. – М., 1926. – 174 с.
19. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР / Н. В. Пигулевская. – М., Л., 1941. – 72 с.
20. Плетнева С. Древние болгары в восточноевропейских степях / С. Плетнева // Татарская Археология / Ин-т истории АНТ. – Казань, 1997. – № 2. – С. 31-60.
21. Попов А. Обзор Хронографов русской редакции / А. Попов. – М., 1869. – 295 с.
22. Рашид ад-Дин. История монголов / Рашид ад-Дин; пер. с персидского И. Н. Березина // Записки импер. археол. общества. – СПб., 1858. – Т. 14. – С. 1-320.
23. Рашев Р. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы / Р. Рашев // Татарская Археология / Ин-т истории АНТ. – Казань, 1998. – № 2. – С. 65-71.
24. Сабо И. Основы теории права / И. Сабо. – М., 1974. – 214 с.
25. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Федоров-Давыдов. – М., 1973. – 180 с.
26. Таскин В. С. Материалы по истории древних народов группы дунху / В. С. Таскин. – М., 1984. – 240 с.
27. Умеров Э. Ш. Введение в историю крымтатарского государства и права. Конспекты лекций, читанных, студентам 1-3 курсов Сарабузской высшей крымскотатарской национальной школы права, в 1993-1996 гг. / Э. Ш. Умеров. – 490 с. – на правах рукописи.
28. Цзю у дай ши = Старая история Пяти династий. – Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936. – 774 с.
29. Энгельс Ф. Происхождение семьи частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – М. : Политическая литература, 1980. – 380 с.
30. Dolger F. Diplomatie. Ettal. / F. Dolger. – 1956.
31. Euag. Eccl. Hist. III.2.– 1954.

32. Moravcsik. Gy. Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. – Bd. I. II.

33. Haussig. H. Exkurs. – Byzantinoturcica. XXIII. – 1953.

Zeliha Yazıcı, Esra Sarıca, Meral Aksu, Yeşim Yurdakul OKUL ÖNCESİ EĞİTİMDE TÜRKÇENİN ÖĞRETİMİ

УДК 81-13+37.02

ПРЕПОДАВАНИЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье описываются особенности формирования лингвистических навыков при обучению турецкому языку: говорение, слушание, чтение, письмо, визуальные особенности обучения чтению-письму, в дошкольных учреждениях.

ÖZET

Dil gelişimi; konuşma, dinleme, okuma, yazma ve görsel okuma-görsel sunu becerilerini içermektedir. Dil için gerekli olan bu temel becerilerin gelişiminin temeli okul öncesi yıllarda yapılandırılmaktadır. Özellikle konuşma, dinleme ve görsel okuma becerileri okul öncesi eğitim yıllarında atıldığı için okul öncesi yıllar, dil becerilerinin gelişiminde kritik bir dönemdir. Bu nedenle, ülkemizde okul öncesi eğitim programının temel taşlarından biri, Türkçenin doğru öğretilmesini destekleyici bir felsefeyle hazırlanmış olmasıdır.

İlköğretimde Türkçenin öğretimi, okul öncesi dönemdeki doğal dil edinim sürecinin devamıdır. Okul öncesi dönemdeki Türkçe öğretim süreci ile ilköğretimdeki Türkçe öğretim süreci arasında bir köprü oluşturulmaktadır. Türkçe öğretimi için düzenlenen dil etkinliklerinde çocukların gelişimsel özellikleri, dilsel yeterlilik boyutları, ilgi ve ihtiyaçları dikkate alınmaktadır. Bu etkinlikler aracılığıyla çocuklara deneyimlerini ve izlenimlerini paylaşım, tartışabilme olanağı sunulup, çocukların Türkçeyi dinleme, doğru anlama ve konuşma becerileri geliştirilmektedir.

Bu çalışmada, okul öncesi eğitimde Türkçenin öğretiminde kullanılan eğitim etkinlikleri içerikleri üzerinde durulacaktır.

Giriş. Dil gelişimi için gerekli olan becerilerin temeli okul öncesi yıllarda atıldığı için bu yıllar, diğer gelişim alanlarında olduğu gibi dil gelişiminde de kritik bir dönemdir. Dil gelişimi sözel dil, yazılı dil ve görsel dil olarak incelendiğinde, dilin sözel boyutunda yer alan dinleme ve konuşma becerileriyle, görsel dil boyutunda yer alan görsel okuma becerilerinin erken çocukluk yıllarında kazanıldığı bilinmektedir. Dil gelişiminin yazılı dil boyutunda yer alan okuma, yazma becerileriyle, görsel dil boyutunda yer alan görsel sunu becerileri ise ilköğretim yıllarında kazanılmaktadır.

Gee (1991)'e göre, çocukların dil becerilerinin gelişimi dil edinimi ve dil öğretimi olmak üzere iki farklı süreçte gerçekleşir [1; 2]. Dil edinimi, erken çocukluk döneminde çocuğun içinde yaşadığı toplumla sosyal etkileşimler sonucu gerçekleşen bir olgudur ve konuşma, dinleme ve görsel okuma becerileri bu süreçte gerçekleştirir. Bu süreçte çocuk bu becerileri doğal yollarla, farkında olmadan içsel güdülemeyle gerçekleştirdiği için bu süreç dil edinimi olarak değerlendirilir.

Dil öğretimi, eğitim öğretim yoluyla gerçekleşen bir olgudur ve okuma, yazma ve görsel sunu becerileri bu süreçte kazanılır. Çocuk, dilin bu temel becerilerini planlanmış bir eğitim-öğretim ortamında kazandığı için bu süreç, dil öğretim süreci olarak değerlendirilebilir. İlköğretimdeki dil öğretimi, erken çocukluk dönemindeki doğal dil edinim sürecinin devamıdır. Dil ediniminden farkı, çocuğun yaşamına giren ilköğretimle birlikte eğitim-öğretim programının gereği çocuğun, dil gelişimine okuma yazma öğretimi eklenmiştir ve bu süreç dıştan güdülemeyle gerçekleşen bir süreçtir. Bu nedenle de bu süreç dil öğretimi olarak adlandırılabilir. Diğer bir deyişle dil edinimi doğal yollarla gerçekleşirken, dil öğretimi bilinçli ve sistemli bir öğrenme-öğretme yoluyla gerçekleşmektedir. Dolayısı ile çocuğun dil gelişimi için gerekli olan konuşma, dinleme ve görsel okuma temel becerileri dil edinim sürecinde kazanılırken; okuma, yazma ve görsel sunu temel becerileri dil öğretimi sürecinde kazanılmaya devam etmektedir. Bu nedenle ülkemizde okul öncesi eğitim programının temel taşlarından biri, Türkçenin doğru öğretilmesidir. Okul öncesi programlarında Türkçenin öğretiminde çocukların, konuşma, dinleme ve anlama gibi sosyal iletişim becerileri, okuma yazmayı öğrenme için gerekli akademik ve dil becerisini destekleyici etkinlikler içermektedir. Bu etkinliklerin düzenlenmesinde çocukların gelişimsel özellikleri, dilsel yeterlilik boyutları, ilgi ve ihtiyaçları dikkate alınmaktadır.

Okul öncesi programları uygulanırken Türkçenin öğretimi her gün tekrar edilen temel bir etkinlik alanıdır. Öğretmenler tarafından her gün düzenli olarak hazırlanan Türkçe dil etkinliklerinde çocukların Türkçeyi anlama, dinleme, konuşma ve mantıksal düşünme becerisinin alt yapısı oluşturulmaktadır. Sohbet, bilmece, tekerleme, parmak oyunları, geleneksel Türk masalları dinleme, öykü anlatma, öykü kurgulama, resimlerle öykü oluşturma, yarım kalan bir öyküyü tamamlama gibi Türkçenin öğretimine yönelik çalışmalar yapılmaktadır. Dil öğretiminin olmazsa olmazı olan kitap okuma, kitap resimlerinin yorumlanması gibi etkinlikler de okul öncesi eğitim programındaki Türkçe öğretiminin temel yapı taşları arasındadır.

Okul öncesi dönemde çocuk, içinde bulunduğu doğal ortamın aktif bir katılımcısıdır ve dil becerilerini sosyal ortamdaki etkileşim ve iletişimleri aracılığıyla doğal yollarla edinilmektedir. Çocuğun yaşamının ilk yıllarında konuşma dilini algılaması, konuşmayı üretme ile sıkı sıkıya bağlantılı olduğundan bu dönemde çocuk sosyal çevresiyle iletişime geçerek doğal yollarla deneyim kazanmakta ve bu deneyimler çocuğun beyin hücreleri arasındaki bağlantıları güçlendirerek bilişsel öğrenmelerin kalıcı hale dönüşmesini sağlamaktadır [3]. Dil